* * *

7 декабря, Хогвартс.

Урок прорицаний тянулся как всегда, кто-то дремал, кто-то готовился к следующему уроку, Сибилла Трелони что-то бормотала про третий глаз. Запах благовоний одурял. Рон Уизли пребывал на грани сна и яви. Мысли медленно ворочались в голове. Он вспомнил письмо Гермионы, пришедшее накануне. «Она тоже не верит в виновность Гарри. Наверно уже никто из наших не верит, но что же делать? — думал он. — Написать родителям? Представляю их реакцию. Отец глубокомысленно промолчит, а мать опять раскричится, чтобы я не лез не в своё дело». Вдруг профессор прорицаний замерла на полуслове, голос её скатился до баса. Спящие студенты проснулись и удивлённо уставились на профессора. Глаза Трелони закатились, от неё повеяло могильным холодом, и она начала вещать загробным голосом:

«Грядёт чёрный король, он уж вышел в поход,

Впереди белый тигр, на плечах его смерть,

Нет преграды ему, он возглавит народ,

Несогласным с ним суждено умереть.

В его сердце металл, в голове его лёд,

Мир людей обречён, жалость выбросил он,

И зелёный огонь одолеет багрянец».

Сивилла Трелони закашлялась и уставилась на класс. Она тяжело дышала, ученики безмолвствовали, в ужасе взирая на профессора. Белая от страха Лаванда Браун пискнула, и это стало сигналом для всех — ученики с воплями бросились к выходу.

Следующего урока не было. Класс в полном составе был доставлен в больничное крыло. Мадам Помфри отпаивала учеников успокоительными зельями и пыталась понять, что же произошло. Авроры обыскали башню, но ничего не нашли, сама Трелони ничего определённого сказать не могла. Вызванный в больничное крыло Северус Снейп просмотрел воспоминания нескольких учеников, побледнел и рванул в сторону кабинета директора.

— Господин директор, эта старая стрекоза опять выдала настоящее пророчество! — подвёл итог пересказанным событиям Снейп. — Дети перепуганы насмерть. Кроме текста от неё шли флюиды холода и страха. Это почувствовали все, кого я успел посмотреть. Не Трелони, а дементор какой-то!

— Северус, мой мальчик, положи воспоминания в омут памяти. Здесь надо будет хорошенько подумать.

После ухода профессора Снейпа, Дамблдор погрузился в размышления. «Этого нам ещё не хватало, чёрный король... Может быть и Том, но тогда пророчество запоздало, а так не бывает. Кого же нам ещё ждать? Как будто нам мало неприятностей! Белый тигр? Герб? Ни у кого из тех, кого он знал, на гербе не было не только белого, но вообще никаких тигров. Не водятся в Англии тигры. Тигры — это у нас Восток и Индия... А какой герб у сестер Патил? Надо узнать. Но они девочки, на короля ну никак не тянут. Металл, лёд, безжалостный... Ну, это мы уже проходили. Если на сцену выйдет новая сила — это чрезвычайно осложнит ситуацию. Можно подумать, нам сейчас легко. Зелёный огонь — Авада? А багрянец — Ступефай? Упивающиеся одолеют Орден Феникса? Все уже кидаются непростительными, сантименты давно отброшены в сторону. Ладно, посмотрим, что будет дальше».

Старый волшебник потёр пальцами виски. Мир рухнул в гражданскую войну, и он не успевал за развитием событий. «А какой был прекрасный план, — думал он, — подсунуть мальчишку Тому под удар, как в прошлый раз, разгромить Упивающихся при помощи Ордена Феникса. На этот раз Фадж не смог бы их отмазать. И всё, дело в шляпе, мир изменился. На ключевые посты садятся его бывшие ученики, лично преданные ему и только ему, а все эти высокородные снобы могут и дальше кичиться своим происхождением, но уже без реальной власти! А теперь... Гарри нет, Том начал действовать слишком рано, а я опоздал».

* * *

12 декабря, кабинет Фаджа.

Дверь в кабинет министра распахнулась. На пороге возникла Долорес, единственная, кому он доверял почти полностью. Столько лет она верно служила ему, можно сказать его самый полезный сотрудник.

— Господин министр, — Амбридж сияла, как новенький галеон, — Поттер очнулся!

— Ну, хоть одна добрая весть за последнее время! Надо прикормить мальчишку, может, хоть на что-нибудь сгодится. Идём, Долорес, — Фадж резко поднялся со своего кресла и решительным шагом направился к выходу.

— Корнелиус, мне не стоит попадаться ему на глаза.

— Хм, это верно... Что посоветуешь?

— Я думаю, надо не помилование предлагать, а снятие судимости. Можно даже для вида наказать следователя. Боюсь, что полумеры на этот раз не сработают. Ну, и сами на месте

разберётесь. Только он ещё еле жив. Поговорить толком не получится.

* * *

12 декабря, больница Святого Мунго.

Парацельс с картины в кабинете сообщил Артемию Джонсону, главному целителю больницы Святого Мунго о прибытии министра Фаджа. Старый лекарь тяжело вздохнул и отправился встречать высокого гостя.

— Ну, мистер Джонсон, где наш герой, где наш Мальчик-Который-Выжил? — Корнелиус Фадж в своём знаменитом на всю страну зелёном котелке торжественно вошёл в кабинет.

Главный целитель вытаращил на Фаджа глаза:

— А как же суд, серийный убийца?

— Ах, оставьте, там случилась судебная ошибка, виновные будут наказаны. Идёт война, нам нужны герои. Это поднимет боевой дух наших граждан. Люди должны знать, что у них есть надежда.

— Господин министр, пациент ещё очень слаб. Ни в коем случае не давите на него, и не более трёх минут, пожалуйста.

— Да, да, дорогой мистер Джонсон, я всегда знал, что вы выдающийся целитель, Парацельс нашего времени!

Они прошли по коридору, спустились на два этажа и свернули в южное крыло, где находились VIP-палаты. Министр решительно вошёл в палату. Белые стены, белый потолок, странные приборы жужжат у стены, капельницы по краям кровати, на которой лежит до крайности исхудавший человек с огромными изумрудно-зелёными глазами и копной чёрных волос. Если бы не знаменитый шрам на лбу, то узнать Мальчика-Который-Снова-Выжил было бы совершенно не возможно. Корнелиус Фадж опешил от увиденного, но быстро взял себя в руки. Удивляться было некогда, надо было ковать железо пока мальчишка в сознании.

— Здравствуй, мой мальчик, — обратился бодрым голосом Фадж к Поттеру. Тот лежал на спине, взгляд его был направлен в потолок. Гарри настолько оторопел от такого приветствия, что ничего не ответил.

— Как ты себя чувствуешь? — участливым голосом спросил министр.

— Лучше, — прошептал Поттер, имитируя последний вздох умирающего.

— Я так беспокоился о тебе, Гарри. При расследовании твоего дела выявлен ряд нарушений, так что будет подана апелляция, приговор будет отменён, а судимость с тебя снята.

— Спасибо, — еле слышно проговорил юноша, а сам подумал: «Вот оно как, раз припёрло, так и приговор отменят. Всё как Сириус обещал».

— Что я могу для тебя сделать, мой мальчик? — голос министра был ясен как солнечное утро. Многолетняя практика работы с аудиторией никуда не делась. Как говорится, мастерство не пропьёшь.

— Пусть мне вернут фотоальбом и завещание моих родителей, метлу — подарок крёстного и мантию — память об отце.

— Конечно, Гарри, всё будет сделано, проговорил Фадж и подумал: «Какие пустяки, почти даром. Хорошо, что палочку не просит, а то её уничтожили сразу после суда».

— Куда тебе их доставить?

— Если можно, сюда.

— А целители не будут против? — с лёгкой строгостью в голосе спросил Фадж у мистера Джонсона.

Старый целитель прекрасно понял, что даже попроси сейчас Поттер огневиски и колдонаркотики, их бы тут же доставили, не считаясь с мнением медработников.

— Конечно, господин министр, положительные эмоции пациенту очень нужны.

— Вот и славно. Я больше не буду тебя утомлять. Зайду к тебе на днях и принесу твои вещи, поправляйся.

— Спасибо, министр.